
Российская нация и российские национальности

Валерий Тишков

Не будем ломать копыя и продолжать давние академические дебаты по поводу того, что есть нация. О терминах и понятиях, которые используют ученые и политики, можно договариваться. Более того, содержание одного и того же термина или понятия исторически может меняться. Наконец, ни один термин или понятие не могут вместить в себя все многообразие и вариации того явления, которое призваны обозначать.

Бывают ситуации, когда вполне распространенный термин, даже перекочевавший в политико-правовой язык, так и остается без четкого и общепринятого определения. Такова, например, ситуация с термином "меньшинство". Как говорил бывший комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс Ван дер Штул, "я не знаю точного определения меньшинства, но когда я вижу конкретную ситуацию в той или иной стране или регионе, то точно определяю, есть или нет там проблема меньшинств". Еще бывают многозначные термины, которыми пользуются разные категории людей, главным образом представители экспертного сообщества и политической элиты, чтобы самим этим термином обозначить свой статус и придать этому статусу желаемую легитимность. Например, в период распада СССР и "парада суверенитетов" термин "автономная республика" считался унижительным по сравнению с "национальной (или союзной) республикой", ибо последние считались "государствами", а первые – нет. Точно также третировался термин "штаты", в которые, якобы, некоторые хотели превратить части российского государства, хотя этот термин в переводе с английского означает именно "государство".

К многозначным научным и политико-правовым категориям относятся и понятия "нация" и "национальность". От того, какой смысл вкладывается в эти понятия в той или иной стране, зависит очень многое и, прежде всего, стабильность и легитимность самого государства. С точки зрения организации социальной жизни и поведенческих норм граждан, СССР был во многих отношениях нормальной страной, как и многие другие крупные, средне модернизированные

государства со сложным этническим и религиозным составом населения. Но одно из радикальных отличий заключалось в том, каким образом в стране использовались категории "нация" и "национальность" – а использовались они строго в этническом смысле. Гражданско-политический смысл этих терминов не допускался, хотя СССР считал себя членом "объединенных наций", а в стране использовались понятия "национальная экономика", "национальный доход", "национальные интересы страны" и т. п. Двойной смысл допускался только для категории "народ": был "советский народ" и были "народы СССР", а также "дружба народов" (как внутри СССР, так и с народами мира).

Мне бы хотелось привести мнение известного эксперта – американского антрополога Катрин Вердери, которая пишет, что "нация – это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации"¹. Поскольку коренное значение этого слова "быть урожденным", то под нациями понимались самые разные сообщества: гильдии и корпорации, землячества в средневековых университетах, феодальные сословия, массы людей и групп, имеющих общую культуру и историю. Это понятие изначально служило инструментом отбора, тем, что сплавивает в общую массу одних людей, которых нужно отличать от других, существующих бок о бок с этими первыми. Критерии отбора менялись в зависимости от времени и контекста.

"В современную эпоху, – пишет К. Вердери, – нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка. Это значит, что нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который

¹ *Вердери К.* Куда идут "нация" и "национализм"? // Андерсон Б. и др. *Нации и национализм.* Сборник статей. М.: Изд-во "Праксис", 2002. С. 297.

отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения"².

Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории *нация-государство* (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями. Некоторые ученые пытаются разделить два понятия: *нация-государство* и *национальное государство*, имея в виду под последним некое "выкованное историей" государство. Как писал А. М. Салмин, "идеология *государства-нации* по-настоящему органична, пожалуй, только для *национальных государств*, а эти два понятия при всей их близости в обыденной жизни – неполные синонимы". Для А. М. Салмина Франция – это национальное государство, а Россия – нет, ибо во Франции все считают себя "французами", а в России сохраняется непонятное различие между "русскими" и "россиянами"³. Но на самом деле таких двух категорий не существует: national state или nation-state – это одно и то же. Более того, среди всех суверенных государств – членов ООН нет таких, которые не считали бы себя национальными⁴.

Как пишет французский социолог Доминик Кола, "нация представляет собой продукт определенных социальных условий и не является продолжением природы другими способами. Нация есть не что иное, как государство-нация: политическая форма территориального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, *порождают* нацию"⁵. Это определение есть продолжение классического якобинского понимания нации как суверенного и солидарного согражданства. Однако есть и более тонкие подходы, которые лучше помогают раскрыть суть нации. Одним из таких подходов можно назвать дискурсивный, конструктивистский взгляд на нацию и национализм. Этот подход близок моим взгля-

² Вердери К. Указ. соч. С. 297-298.

³ Салмин А. М. Современная демократия: Очерки становления. М., 1997. С. 366-367.

⁴ Тишков В. А. Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1999. № 1.

⁵ Кола Д. Политическая социология. Пер. с фр. М., Изд-во "Весь мир", 2001. С. 351.

дам. Здесь своим союзником я бы назвал американского социолога Роджера Брубейкера⁶.

После распада СССР образовались 15 многоэтничных государственных сообществ, но все они (кроме России!) объявили себя национальными государствами, сохранив советское понятие нации как этнической общности. Так называемые титульные нации стали хозяевами новых государств, а остальные оказались в положении "проживающих на территории не своей национальной государственности", с обычными гражданскими правами или вообще без права на гражданство. Пережив ряд жестоких конфликтов, вплоть до нового полураспада (пример Грузии), постсоветские государства до сих пор продолжают рискованную линию национального строительства на моноэтнической основе. Вариантов у этой формулы не очень много: вытеснение или ассимиляция нетитульного населения или конфликт между двумя группами населения – титульной этнонацией и меньшинствами. Причем последние в ряде стран составляют добрую половину или треть населения и по всем критериям меньшинствами не являются. Набив шишек, и, возможно, потеряв часть территорий, все постсоветские государства рано или поздно перейдут на гражданские, мультиэтнические формулы нациестроительства, т. е. понимание нации как единого, но сложного сообщества.

В процессах постсоветского нациестроительства Россия занимает особое место. Следует признать, что в очень значимой перемене смыслов и самой идеи национальной государственности произошло грандиозное отставание по сравнению со сферами экономики, политики и социальной жизни, где от старого советского наследия мало что сохранилось. В российской Конституции и в общественно-политической практике не появилось понятия "национальной государственности", а точнее – оно осталось за внутренними этнотерриториальными автономиями. В Конституции осталось советское понятие "многонациональности" и национального (читай – этнического самоопределения). В 1990-е годы это дало повод для жестоких испытаний новой российской государственности со стороны разных форм этнического национализма, включая его крайнюю форму вооруженного сепаратизма, якобы от имени самоопределяющейся чеченской нации. Этот кризисный период был преодолен благодаря укреплению

⁶ *Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.*

нию федеральной власти и подавлению вооруженного сепаратизма, за которым стояли новые геополитические соперничества и международные террористические сообщества.

В это же время высшим руководством страны формулируется новое понимание российского народа как гражданской нации, а значит и России – как национального государства. В этом случае сразу же встают на место и обретают свои точные смыслы такие категории и понятия, как национальные интересы, национальные проекты, национальные системы здравоохранения, образования, спортивные команды и т. п. Выступая 12 июня 2007 года в Кремле по случаю Дня России, В. В. Путин сказал следующие замечательные и точные слова: "история и Всевышний распорядились так, что на нашей огромной территории проживают представители многих этносов, религий и культур, но мы все – один народ, одна нация". Подобные высказывания о российской нации делались им и ранее. Эта важнейшая позиция нашла подтверждение и в высказываниях действующего президента Д. А. Медведева. Политический класс в целом воспринял позитивно эту важнейшую государственно-идеологическую новацию, интуитивно понимая, что без нее фактически невозможна легитимность современных государств, каким бы разнообразным не было их население и какой бы децентрализованной не была их власть.

Но возникли ряд трудно преодолимых проблем восприятия и реализации этих программных установок. Все они скорее из разряда перестройки ментальных конструкций, из разряда утверждения новых дискурсивных практик, обновления политического языка и научного арсенала, а не жесткого переделывания российской реальности. Постараюсь объяснить, в чем состоят эти трудности.

Первое: как быть с категорией "нация", если, как выражаются некоторые политики, "президент поставил задачу сформировать российскую нацию"? Что теперь будет с "настоящими нациями" – русской, чеченской, татарской, чувашской и другими, которых у нас в стране около сотни?

Отвечаю. Новая формула означает использование понятия "нация" в двух смыслах: нация как гражданское сообщество и нация как этническая общность. Никакой политико-правовой неувязки, а тем более – ненаучности здесь нет. В мире давно сосуществуют эти два понимания нации: одно берет корни в якобинском понимании нации как согражданства, другое – в австромарксистском концепте культурной нации или этнонации. Оба понимания сосуществуют в рам-

ках современных государств, и их употребление не носит взаимно исключающего характера. Каталонская и баскская нации есть части испанской нации, которая состоит не только из одних кастильцев. Шотландская нация есть часть британской нации, саамская нация есть часть норвежской нации, а аборигенные народы Канады, а также "квебекская нация" есть части канадской нации.

Население государств, как в прошлом, так и в настоящем (т. е. *всегда*) было многоэтничным. В каждом государстве проживают представители разных этнических групп, которые могут, кстати, также называться нациями, народами, меньшинствами в зависимости от степени самоорганизации этих групп и политики правительства той или иной страны. В Турции, например, вообще не признается существование каких-либо других групп, кроме собственно турок, хотя в стране проживает несколько миллионов курдов с отчетливым самосознанием и организованной борьбой за свои права (лидер курдов Оджалан был приговорен в Турции к смертной казни). В Китае более 50 неханьских народов общей численностью свыше ста миллионов человек называются этническими группами или национальными меньшинствами. В Канаде группы аборигенного населения (индейцы и эскимосы) называют себя "первыми нациями", и это обозначение стало общепризнанным и закреплено в Конституции. Хотя я хорошо помню, как во время моих полевых исследований среди индейцев Канады и США в 1970-е годы индейские активисты только начинали называть себя нациями и даже печатали паспорта (естественно, никем не признаваемые), например, "нации оджибвеев".

В Шотландии всегда были сторонники шотландского национализма, выражавшегося в историческом мифе, региональном патриотизме, особых культурных традициях, языковой отличительности. В последнее время этот национализм обрел отчетливо политические формы вплоть до инициирования местной правящей партией референдума о государственной независимости Шотландии. Однако на сегодняшний день господствующая идея государственного устройства страны заключается в британской нации. Мы видим, что шотландцы, включая нынешнего премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, понимаются как составляющая часть нации. И шотландский поэт Роберт Бернс – это порождение той же самой нации, а не только этнических шотландцев.

Поэтому когда Н. А. Нарочницкая пишет, что не гражданские нации (по ее мнению, это всего лишь согражданства – носители общих паспортов), а этнические нации порождают культурные и другие достижения (называя при этом Шекспира и Достоевского)⁷, то напомним, что среди достижений представителей российского народа далеко не все принадлежали и принадлежат этническим русским (назовем для примера хотя бы имена выдающихся отечественных музыкантов Ойстраха, Шостаковича, Ростроповича). И так во всех сферах наших национальных достижений и предметов национальной гордости: от культуры и науки до политики и спорта.

Представлять гражданские нации только как сообщество носителей одинаковых паспортов, а этнические нации как подлинных производителей культуры и всего остального, включая саму государственность, – это значит радикально снижать смысл и роль основной формы человеческих коллективов, которая известна нам с момента всеобщего "огосударствления" человечества, по крайней мере, с эпохи возникновения современных государств. Только крайние мечтатели типа норвежского социального философа Йохана Галтунга представляют себе наступающий глобальный мир под управлением не ООН, а Организации объединенных этнонаций⁸. В России аналогичной точки зрения, что мир состоит не из государств, а из этносов, придерживается казанский ученый Рафаэль Хакимов⁹ и некоторые другие.

Как и в иных развитых странах, не должно быть противоречий и в России, где все крупные и малые народы привыкли считать себя нациями и обладают достаточно высоким уровнем внутренней автономии, а их культуры и языки – высоким статусом. По Конституции они составляют "многонациональный народ", но сам этот российский народ есть гражданская нация со своим национальным государством – Российской Федерацией.

Россия есть нация наций, и никакой новой нации на месте многих старых наций формировать не нужно и должно. Те интеллектуалы, которые видят в российской нации какой-то имперско-шовинистический умысел, не способны понять простые вещи, наблюдаемые по всему

⁷ Интервью с Н. А. Нарочницкой. "Известия", 16 апреля 2007 г.

⁸ *Galtung Y. Peace by Peaceful Means*. Oslo: PRIO. Sage publications. 1996.

⁹ *Хакимов Р. С. Сумерки империи*. Казань, 1992.

миру, но почему-то "не применимые" к условиям России из-за корыстной или узколобой инерции.

Нынешние россияне в большинстве своем воспринимают более сложное понимание слова "нация" и "национальность". Уже миллионы россиян, выезжая за рубеж и заполняя консульские анкеты, не впадают в смятение и пишут в графе "национальность" слово "Россия", "россиянин", а не свою этническую принадлежность. Такова общемировая практика, и нет смысла ее отвергать. Противников сложного понимания нации больше среди политиков, интеллигенции, медийного сообщества и некоторых религиозных деятелей.

В Восточной Европе, где этнонационализм и идея культурной нации господствовали с конца XIX века, в последние десятилетия и особенно после распада СССР концепт культурной нации (этнонации) стал второстепенным по отношению к концепту политической нации. Национальностью в этническом смысле достаточно условно обозначают этническую диаспору (все венгры или все поляки в мире как представители венгерской и польской "культурной нации"). При этом ответственные и грамотные люди понимают, что венгерская нация – это, прежде всего, граждане Венгрии, польская нация – это граждане Польши, а господа Джордж Сорос, Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс в состав этих наций не входят, несмотря на свои "этнические корни". Последние – это представители американской нации, имеющие смешанное венгерско-еврейское и польско-еврейское этническое происхождение. Если бы даже венгры и захотели зачислить Николя Саркози в состав венгерской нации, то от этого он не перестал бы быть лидером французской нации, да и сам он считает себя французом.

В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР трудно продвигаются от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим постсоветским политикам, ученым и этническим активистам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство (как это записано во многих постсоветских конституциях). Другими словами, в Латвии все принадлежит латышской нации, т. е. этническим латышам, а не латвийской нации, включая и русских граждан и неграждан, таких же создателей современного государ-

ства и исправных налогоплательщиков. На Украине владелец государства, его недр и воздушного пространства – это украинская нация, в которую могут войти русские, поляки, крымские татары и другие нетитульные, если они станут украинцами. И так по всем постсоветским государствам. Широкое, гражданское понимание нации (например, казахстанской или латвийской) пока утверждается крайне робко, главным образом для внешнего мира, чтобы выглядеть прилично. Состоится ли трудное прощание с этнонационализмом в постсоветском пространстве? В последние годы моя вера в это серьезно поколебалась. Оказывается, этнический национализм можно выдавать за государственный; оказывается, можно очень многим пожертвовать в демократических преобразованиях, если националистические безобразия объяснять миру необходимостью деколонизации русского имперского господства. Наконец, можно культивировать культурный этнонационализм, прежде всего языковой, и отказываться от введения официального двуязычия, даже если парламент продолжает говорить на русском языке, а не на киргизском или казахском.

Этническая и языковая сложность постсоветских наций продолжает отвергаться, и граждане, не принадлежащие к "титульной" этничности, переведены в категорию национальных меньшинств без членства в нации. *В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств.* В обычном варианте меньшинства входят в состав нации и обладают всеми правами ее членов. Как носители малых культур меньшинства (точнее, их культура) пользуются особой поддержкой государства, осуществляемой в рамках соответствующей политики, которая может называться по-разному (этническая политика, политика аффирмативных акций и т. п.) Например, в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами, местными русскими и другими. В этой стране действуют меры поддержки культуры саамов и шведов, а шведский язык даже имеет статус официального наряду с финским.

Второй вопрос возможного оппонента: "Если ничего не нужно формировать заново, тогда в чем же смысл проекта российской нации, и когда такая нация должна состояться?"

Отвечаю. Российский народ и россияне – это исторически очень давние самообозначения жителей (граждан – после появления поня-

тия гражданства) нашей страны. Историко-культурная общность и солидарность этого народа также давно и хорошо известны. А вот определение россиян как нации действительно представляет собой новацию, ибо до 1917 года это понятие только начинало утверждаться в виде категории "большой русской нации", которая включала в себя, как минимум всех православных и всех восточных славян, а в ряде случаев – всех жителей страны.

В дореволюционной России после сложения централизованного государства существовало основное понятие *русский (российский) народ*. В отношении этнических меньшинств и неправославных использовались понятия *инородцы, иноверцы, племена, народности* и другие категории. Важно отметить, что русский народ представлял широкую (фактически внеэтническую) категорию. Знаменитая книга автора XIX века М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа¹⁰ включала сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских свадьбах, о шаманизме среди тунгусов и самоедов и о других этнокультурных традициях, которые к собственно русским и даже православным отнести было нельзя.

В СССР этнические общности называли по-разному: национальными меньшинствами, этнографическими группами, этническими группами, национальностями, нациями и народностями. С 1960-х годов утвердилось понятие этнос. Я помню, как в детстве, в 1950-е годы мои родители – школьные учителя использовали термин "нацмен" в отношении татар, которые проживали в нашем районе Свердловской области. Где-то в 1970-е годы этот термин полностью ушел из обихода по причине уничижительного смысла. Что же касается научного мира, то как раз в годы моей учебы на историческом факультете МГУ на смену учебнику по этнографии народов СССР С. А. Токарева, где термин "этнос" не использовался, стали появляться труды Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева, в которых многое было построено вокруг этого понятия.

Слово "нация" встречается в русском политическом лексиконе XVIII века, но оно было употребительным уже во второй половине XVII столетия преимущественно в дипломатической среде¹¹. С эпохи

¹⁰ М. Забылин. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Адаптированное издание. М.: "РИПОЛ КЛАССИК", 1997.

¹¹ Я благодарен Е. Марасиновой за ниже предоставленные ссылки на источники.

правления Петра I этот термин прочно укореняется в официальных текстах, а также на страницах публицистики, газет, художественных произведений, мемуаров и частной переписки. Как правило, значение слова "нация" было идентично понятиям "народ, люди". Характерно, что в тех русских официальных документах, которые должны были дойти до сведения европейских дворов и потому целенаправленно переводились на различные языки, в частности, на немецкий, слово "нация" звучало как "die Nation" или "das Volk"¹². Однако в источниках было зафиксировано употребление термина "нация" и в узкословном смысле. Например: "Государь <...> должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо Его попечению <...>, а дабы нация имела свою вольность, надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страдиться злоупотребления власти"¹³.

Самодержавие не было сторонником политической нации по понятным причинам своего представления о природе высшей власти, хотя некоторые российские государи пользовались понятием нация применительно к населению своего государства. О советской специфике словоупотребления уже упоминалось.

Сегодня в России все больше людей под словом "национальный" совсем не обязательно понимают "этнический". Поскольку гражданская принадлежность становится доминирующей формой коллективной идентичности, то и понятие национального частично переходит на все, что связано с общегражданскими делами и проектами. "Национальные проекты" – это проекты российской нации. Российская нация – это состоявшаяся политическая и социально-культурная реальность. Это явление исторически давнее и полностью легитимное, как бы эта общность не называлась в прошлом.

Тогда следующий вопрос от противников или скептиков российского проекта: "Как может говорить о единой нации в отсутствие

¹² См., например: Katharina II. Zarin von Russland: Rehabilitation von Beszuz'ev-Rumin. St. Petersburg 31.8.1762. 2S., ungez. frz. (Dr.) u. dt. Übersetzung des russ. Originals // Aktenstücke zur Geschichte Russlands insbesondere der Thronbesteigung Katharina's II. Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58 e. 78.84.

¹³ См.: Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование (Сост. Е. С. Шумигорский). СПб. 1907. С. 9-11.

единства и культурной гомогенности, когда существует много народов-наций со своими собственными культурами и даже цивилизационными различиями, иногда конфликтующих между собой и отторгающих друг друга?"

Отвечаю. Одна нация совсем не означает "единая" (в смысле однородная) нация. Все большие нации состоят из многих разноразличных народов и даже племенных образований. Почти все крупные нации имеют внутренние конфликты, включая вооруженный сепаратизм и внутренние войны. Это совсем не означает, что не существует индийской, китайской, индонезийской, испанской или какой-то другой нации, многие из которых значительно более гетерогенны в культурно-языковом отношении и разобщены в социально-политическом плане. Имеющиеся среди населения государств различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных. Многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями¹⁴. Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, не признающие культурную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность выхода из религии и насаждает представление об исламской умме как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. Следует сказать, что и в христианстве этническое начало мало что значит, ибо "для Бога нет ни эллина, ни иудея". Кстати, в России исторически было так, что все принявшие православие считались одним народом, который назывался русским или российским.

В некоторых государствах недоминирующая религия подвергается гонениям, а в иных (с коммунистическим правлением) любая религия отрицается как "опиум для народа". Есть государства-нации, которые долгое время утверждали себя как целостность на основе мифов о расовой и этнокультурной гомогенности, например, мифа о "белой Австралии", который был демонтирован только в последние два десятилетия, причем настолько радикально, что австралийская нация приветствовала мир из олимпийского Сиднея аборигенно-этническим разнообразием как своего рода визитной карточкой страны.

¹⁴ *Тишков В. А.* О культурном многообразии // *Этнографическое обозрение.* 2005. № 1.

Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтничной нации и единого народа с разной степенью успешности утверждаются в таких крупных странах, как Бразилия, Канада, США, Великобритания, Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины, Танзания, Нигерия, ЮАР и т. д. Формула "единство в многообразии" как основа политического устройства и управления находится в арсенале большинства современных государств – от огромной Индии до маленькой Ямайки (на ямайском долларе написано "Из многих – один народ").

При всех различиях, которые есть у представителей разных российских национальностей, их объединяют не только одинаковые паспорта, но и общая история, культура, духовно-нравственные ценности, поведенческие нормы, а также гражданская солидарность на основе российского патриотизма. Российский народ есть сформировавшаяся "старая историческая общность людей". В основе его культурного комплекса лежат русская культура и русский язык, православно-христианская религиозная традиция, обогащенные культурными и религиозными компонентами других российских народов. Какое еще "единство" требуется в доказательство реальности российской нации? Чтобы не 97% россиян, а все без исключения знали государственный русский язык? Но стопроцентности нет даже в малых странах. Наличие различий, противоречий и даже конфликтов не есть отсутствие единства. Криминальные группы спортивных фанатов могут устроить между собой побоище или избить "чужих", но десятки тысяч спортивных болельщиков на стадионах и миллионы у экранов телевизоров демонстрируют солидарный российский патриотизм, потрясающее чувство общности, которые не могут зачеркнуть какие-либо девиантные поведенческие проявления. Российская солидарность и общность есть реальность состоявшаяся.

Другое дело, что эта общность требует постоянного пестования со стороны общества, требует и государственной поддержки. Каждое новое поколение формирует свое представление о своем государстве и обладает своей собственной лояльностью по отношению к России. Все это опирается на прошлый опыт и накопленный багаж предшествующих поколений и нынешнего старшего поколения. Но, тем не менее, автоматически ничего не передается, и преемственность российской идентичности есть результат целенаправленных усилий – начиная с семьи и школы и кончая политическими митингами и праздничными шествиями.

Еще одно заключительное замечание. Несмотря на усилия лидеров страны и части экспертов, следует признать, что в Российской Федерации пока доминирует понимание нации как этнической общности, с тем только отличием, что вместо формулы "нация – меньшинства" существует формула "многонациональности": все этнические общности есть народы или нации, а вместе они составляют "многонациональный народ". К "народам России" специалисты и политики причисляют, помимо русского и других крупных и малочисленных народов, проживающих в стране австрийцев, албанцев, голландцев (каждая категория насчитывает примерно по 300 человек), белуджей, грузинских евреев, среднеазиатских евреев (примерно по сто человек) и т. д. Так создается впечатляющая номенклатура в более чем полторы сотни "народов России". Российский народ как гражданская нация и его обозначение словом "россияне" или отвергаются крайними этнонационалистами, или отрицание скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего¹⁵. *Это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян, и есть основное препятствие для признания существования российской нации. Преодоление этого отрицания, собственно говоря, и есть "нации-строительство" или "формирование нации".*

Еще один вопрос от противников российской нации: "Как может быть гражданская нация, если в России нет граждан и нет гражданского общества, а нынешний авторитарный режим превратил граждан в безгласных подданных?"

Отвечаю. Категория нации не есть политическая субстанция с обязательным набором характеристик ("признаков нации", как учили советские прописи). Это, прежде всего, форма общественного дискурса. Если существует общеразделяемое представление о нации (внедренное, в том числе, через обучение и интеллектуально-политическую индоктринацию) – значит, существует и нация. Здесь нет прямой связи с культурной гомогенностью и, тем более, степенью демократизации или развития гражданского общества. Режим "черных" полковников в Греции или военная хунта в Аргентине были куда жестче, чем политический режим в брежневском СССР, но никто не будет спорить, что в те годы не существовали греческая и аргентинская нации.

¹⁵ См., например: Р. Г. Абдулатипов. Российская нация. М., 2006.

Наша задача – утверждать общероссийскую идентичность среди граждан страны. В этом суть формирования российской нации.

Наконец, последний вопрос от самого автора текста и одного из пионеров нового российского проекта: "Как соединить многообразие страны и этнокультурное развитие отдельных общностей и регионов с проектом гражданской нации и обеспечением гражданского единства?".

Отвечаю. Признанное многообразие и есть единство, которое не должно пониматься как единообразие. Признавая, поддерживая и укрепляя региональные и этнокультурные идентичности как составляющие российскую идентичность, как общее достояние, а не как эксклюзивную собственность отдельных групп населения, мы тем самым укрепляем групповое достоинство и уверенность людей в том, что Россия – это их общее государство, а не собственность какого-то одного народа. Россия есть общая и главная Родина россиян. Для многих в стране эта Родина включает в себя и малую родину, где прошло детство или где исторически проживают представители собственной национальности. Воспитание таких представлений требует обновления ряда образовательных и информационных политик, но больше всего – той сферы, которая до сих пор носит старое советское название – "национальная политика".